

Андреаса Карлштадта, Каспара Швенкфельда и Валентина Вайгеля обосновывали собственное видение пути христианского спасения на основе концепции *Gelassenheit*, развитой в трудах Майстера Экхарта и его последователей. Сочинения этих авторов демонстрируют оригинальное понимание идей мистического союза и «обожения», приспособленных к основам протестантского вероучения [Ozment, 1973, p. 47–51, 90, 97].

Переосмысление концепций немецкого мистицизма было продолжено в протестантской теологии главных спиритуалистов эпохи — Себастьяна Франка, Якоба Бёме и Иоганна Арндта, чьи сочинения представляли комплексные доктрины, синтезирующие современную им теософию с мистицизмом и лютеранским богословием. Влияния мистического благочестия прослеживаются вплоть до времен пиетистского движения, чей основатель, Филипп Якоб Шпенер, рекомендовал лютеранам читать труды И. Таулера и «Германскую теологию».

Идейная близость богословия мистиков средневековья к религиозным учениям реформаторов позволяет говорить о генетической связи раннего протестантизма и традиции немецкого мистицизма. Хотя значение и характер реформационных процессов остаются дискуссионными вопросами, этот период до сих пор часто описывается как резкий общекультурный сдвиг. Однако именно исследование истории европейского мистицизма в его связи с реформационной мыслью позволяет рассматривать Реформацию как время проблемного перехода между эпохами, в своей основе все еще значительно укорененное в традициях прошлого.

Литература

Hamm B. Der frühe Luther: Etappen reformatorischer Neuorientierung. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. 318 s.

Ozment S. E. Mysticism and dissent. Religious ideology and social protest in the sixteenth century. New Haven: Yale University Press, 1973. 270 p.

К. С. Садов

студент 4 курса, МГУ
konstantin-sadov@mail.ru

Институционализация научно-технической политики

В статье рассматриваются тенденции, приведшие к институционализации научно-технической политики современных государств

в ретроспективе, а также указываются этапы структурирования данного вида государственной деятельности.

Ключевые слова: научно-техническая политика, социально-экономические изменения.

Конкуренция между современными государствами проходит по линии научно-технического прогресса: кто обладает лучшей технологией и синтезирующими ее фундаментальными знаниями, тот способен менять правила игры на определенных экономических рынках, превалировать над оппонентом в военном противостоянии и обеспечивать поддержку своему политическому режиму благодаря престижности [van Someren, van Someren-Wang, 2017, p. 204–205].

Вместе с тем остается открытым вопрос, как государства способствуют научно-техническому прогрессу? Какие тенденции существовали в данном процессе в исторической ретроспективе? Как происходила институционализация научно-технической политики?

В историческом плане технология всегда предполагала превосходство одного над другим, а значит, и возможность аккумулировать власть в своих руках. Это служило основой для поддержки научно-технического развития политическими объединениями различного характера. В то же время, такие формы поддержки не были структурированы в отдельные системы мероприятий, направленные на реализацию определенной цели, что характеризует политику. Не существовало как таковой потребности в институционализации НТП в силу нескольких причин: недостаточного количества субъектов НТП, знаний, потребности со стороны общества и государства, ресурсоемкого характера многих экономик прошлого — превалирования феодальных форм хозяйства, совершенно иной структуре потребления.

НТП явилась, с одной стороны, ответом на происходящие социально-экономические изменения в обществах, с другой — одним из процессов трансформации государств прошлого в современные.

К институционализации современной научно-технической политики можно отнести следующие исторические этапы:

1. Институционализация государственной технологической политики на основе социально-экономических программ развития в конце XIX в. (1870–1890-е). Пример — железнодорожное строительство.

2. Первая мировая война впервые показала строгую зависимость между исходом конфликта и научно-технологическим развитием

военного потенциала государства. На данном этапе происходит преимущественное формирование оборонных проектов национального масштаба (ракетный проект в Германии, атомный проект в США) из-за существующей угрозы безопасности (1930–1940-е). Таким образом, государства вынуждены все более полно вмешиваться в экономическое и научное развитие [Черток, 1999, с. 212–213].

3. Складывание государственной НТП (1950-е) — формирование государственной политики, в основе которой финансирование развития научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, создание благоприятных условий для внедрения новаций в промышленность и сферы услуг. Реализовалось после окончания Второй мировой войны в ряде национальных проектов (космическая гонка), специальных структурах передовых разработок (DARPA или ОКБ различного формата), формировании инновационной политики и ее различных моделей: имитационного развития — копирования передовых лидеров с целью экономического и политического развития (юго-восточная Азия), инновационного развития — создания новых технологий для развития и поддержания статуса (США, СССР и др.) (1960-е—наст. время) [Бойко].

Литература

Taco C. R. van Someren, Shuhua van Someren-Wang. Strategic Innovation in Russia. Towards a Sustainable and Profitable National Innovation System / Springer International Publishing Switzerland, 2017. 286 p.

Черток Б. Е. Ракеты и люди. М.: Машиностроение, 1999. 2-е изд. 416 с.

Бойко И. Технологическая политика: имитационный сценарий (опыт восточноазиатских стран) [Electronic Resource]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177742096.html> (accessed: 29.10.2018).

О. Э. Медведева

*студент 5 курса, УрГПУ
70396@mail.ru*

Западноевропейские историки об инородческом населении России в «теории официальной народности»

Проанализирована западноевропейская историография о влиянии триады С. С. Уварова на инородческое население Российской империи во второй четверти XIX в. Предметом рассмотрения стали не только основные изменения в повседневной жизни основных иноязычных народностей в связи провозглашением новой доктрины, но и различное понимание понятия «инородцы» у разных историков.